

Светлана Живнач

В джунглях

Пробуждение

— Эт-но-гра-фи-че-ска-я экс-пе-ди-ци-я, — по слогам нараспев протянула Нелли и рассмеялась.

«Что я там забыла? Зачем мне это надо?» — то и дело всплывали вопросы в голове девушки, пока она старательно укладывала вещи перед завтрашним отъездом в глухую полесскую деревушку. Причину неожиданного для многих участия второкурсницы в экспедиции четвёртого курса по сбору традиционных весенних песен звали Дима. Парень увлекался этнографией, которую и выбрал своей специализацией на курсе.

Дорога до нужной деревни оказалась весёлой, особенно последние километры, которые компания преодолела на попутном тракторе. Разместившись в отведённой им хате, студенты собрались в одной комнате обсудить планы с руководителем. Нелли раздражало, что возле Димы постоянно мельтешит Агата. «Вот привязалась, а ещё выдумала — называть Диму, на народный манер, Змитром, — мысленно возмущалась Нелли. — А ему, похоже, нравится».

— Завтра с самого утра местные для нас проведут «Гуканне вясны»¹, так что ужинаем и расходимся спать, — объявил в конце обсуждения начальник экспедиции.

Конечно, ужин затянулся, перерос в посиделки с песнями под гитару, смехом, долгими разговорами. Только далеко за полночь все разбрелись спать.

Проснулась Нелли оттого, что кто-то тормозил её. Разлепив глаза, она непонимающе уставилась на нависшего над ней Диму.

— О, проснулась. Доброе утро. Давай вставай, скоро выходим. Возьмёшь камеру. И запасной диктофон.

И ушёл, по пути раздавая задания другим студентам. «Больше других ему надо, — сонно ворчала Нелли, проклиная всё на свете. — Зачем я вообще сюда припёрлась? Деревенских рассветов под завывание местных бабок мне в жизни не хватало?»

Вскоре вся команда двинулась на край деревни, где простиралось поле, а чуть поодаль начинался лес. Тут и собирались «гукаць вясну». Женщины выглядели нарядно в цветастых платках и длинных юбках с вышитыми передниками. Немногочисленные мужчины стояли в стороне. Нелли

указали место, откуда снимать. Праздник начался. Женщины выстроились в ряд и затаили:

Вол бушуе, вясну чую... Гу-у-у-у...

Нелли хмыкнула, подкрутила настройки резкости фотоаппарата и продолжила снимать. Зазвучала следующая песня:

Жавароначкі, прыляціце, вясну красную прынясіце...

Песня лилась, сопровождаемая традиционным «гу-у-у-у», так веселившим Нелли поначалу. Женщины пели без какого-либо музыкального сопровождения, самозабвенно отдаваясь происходящему, выпуская на волю народные напевы. Мелодия расплывалась и окутывала всё вокруг. Нелли невольно залюбовалась и заслушалась, продолжая снимать. После небольшой паузы, переведя дыхание, женщины запели:

Вясна, дзе бувала...

Песня проникала глубоко в сердце, гулко отзывалась внутри, вырывалась наружу. Нелли прислушивалась к себе и не понимала, что происходит. Она попыталась стряхнуть неясное ощущение, оглянулась по сторонам: тёмный лес подступал к полюне с проталинами, на которой стояли люди и пели, ничего не было в этом сверхъестественного. «Откуда это? Что происходит?» — руки начали слегка дрожать. Нелли передала камеру вовремя оказавшемуся рядом парню из экспедиции. А сама застыла, слушала, впитывала:

Вясна, дзе бувала...

Потом завели хоровод, в который попала и Нелли. Мелодия, напеваемая десятками голосов, слившись в один поток, неслась по околицам. Нелли шла в хороводе, боялась споткнуться и расплескать

1. «Гуканне вясны» — древний праздник прощания с зимой и встречи весны. Сопровождается обрядовыми весенними песнями, хороводами. Одна из особенностей традиционных песен-веснянок в том, что каждый куплет заканчивается удлинённым звуком «гу-у-у-у». Люди зовут весну быстрее прийти, радуются первому весеннему солнцу и прогоняют зиму. Все приведённые строки взяты из песен-веснянок.

переполнявшие до краёв новые эмоции, ощущающиеся. Здесь, под просторным весенним небом, среди леса и только начинающей дышать земли, шли люди по кругу и пели, как много веков до них делали их предки, и всё те же были небо, лес, песни. Нелли делала шаг за шагом в этом бесконечном хороводе, отдаваясь звучащей природе, она и сама звучала, чувствуя себя маленькой частью того вечного космоса, обрушившегося на неё в полесской глуши.

«Гуканне вясны» продолжалось. Не в силах совладать с собой, Нелли отошла в сторону. Её мелко трясло. Внезапные слёзы полились рекой. Она прислонилась к старому дубу и неожиданно ощутила движение, биение жизни под сухой морщинистой корой. Пробудившиеся древние силы жизни струились по стволу, лились по корням, текли мощным потоком, пронизывая прижавшуюся к дереву, замершую в необъяснимом восторге Нелли.

Рядом оказался встревоженный Дима:

— Ты в порядке, Нелька? Что с тобой?

Нелли подняла на него глаза и улыбнулась:

— Всё хорошо, Змитрок. Это весна!

В джунглях

«Как же так? За что? Где, в каких жизнях я столько нагрешила, чтоб оказаться в итоге здесь?» — с такими мыслями молодая девушка с огромным рюкзаком на плечах и не уступавшим в размерах рюкзаку чемоданом в руках стояла на главной площади маленького городка, с которым её жизнь будет связана ближайшие два года, и внимательно, не спеша оглядывалась по сторонам. А посмотреть было на что: всё вокруг напоминало малый филиал заброшенной части Детройта с поправкой на местные традиции архитектуры и организации городского пространства.

«Джунгли, сама настоящие джунгли. Что ж они не бросят это место и не уйдут отсюда совсем? Нет же, живут, где-то работают, рождаются, умирают и, ко всему, ещё и учатся...» А именно с такой целью — сеять разумное, доброе, вечное — в городок, о существовании которого она и не подозревала до этого, была направлена по распределению молодая учительница, только что выпущенная из стен филфака университета с громким красивым названием.

Если сам город вызывал у неё стойкую ассоциацию с джунглями, то школа была концентрированной моделью этих джунглей со своими законами выживания. Она так и воспринимала происходящее: приходишь на урок, продираешься, продираешься, кажется даже, вот уже и тропа и полянка получилась, а на следующий урок приходишь — а там порой ещё более дикие заросли. Так и протекали будни молодого педагога. Утешением для неё было думать, что уже меньше чем через два года она сбежит отсюда. Пусть даже здесь у неё

случались и радостные моменты, и встретились хорошие люди, но она покинет это место, как только можно будет, только бы продержаться эти пару лет.

Классное руководство в классе, где некоторые выглядели старше неё самой, оказалось тем ещё испытанием для молодой учительницы, но она честно старалась; иногда ей казалось, что даже удаётся, что её слышат, что она их понимает, что всё не зря, а потом резко снова — джунгли... В классе у неё вызывала беспокойство ситуация с одним учеником, которому часто доставалось от одноклассников, вроде бы без причин. Сам тихий, незаметный, такой длинный, тощий, нескладный, всегда в стороне, витающий в своих мыслях. Но она видела, как ему в классе непросто, и собиралась как-нибудь поговорить с ним серьёзно, главным образом о литературе, к которой у парня имелась явная склонность и способности, а может, даже талант, слишком уж необычные сочинения он сдавал, читая которые, учительница тихонько радовалась своей возможности как учителя: помочь ученику и, что ещё важнее, не навредить. Вот только подходящего случая пока не представлялось, находилось много текущих неотложных учебных и околочувственных дел, да ещё плюс сбрасываемые, как посылки с самолёта на дикий остров, ценные указания сверху, на которые надо было хоть как-то успевать реагировать. Всевозможные постановления и рекомендации от тех, кому, естественно, виднее, как правильнее расчищать джунгли.

Однажды, возвращаясь домой, в своё временное пристанище — общежитие для молодых и немолодых специалистов (те ещё, по её мнению, джунгли, одни лианы белья, сушившегося в душных коридорах, чего стоили), — учительница заметила своих старшеклассников, стоящих толпой. С зародившейся смутной тревогой она направилась в их сторону. С приближением к группе учеников тревога уступила место страху, так как ей показалось, что она заметила у одного из учеников нож. Но, вопреки страху, она пошла к ним ещё быстрее, практически побежала. Оказалось, парни столпились вокруг того самого, которому часто доставалось — скорее всего, за непохожесть, но точно не за зло или вред, кому-либо причинённый, как она успела за время работы в классе понять. — Что вы здесь делаете? — громко прокричала она и как-то незаметно для себя самой оказалась в центре полукруга рядом с поникшим парнем. — Слушай, училка, мы сейчас не в школе. Шла бы ты отсюда. Знаешь главный закон джунглей? Каждый сам за себя. Так что побереги себя, не встречай, — это оскалился один из самых сложных её учеников, практически не посещающий уроки, а если и появляющийся, то почти всегда напроочь их срывающий.

— Нет! И, кстати, нож есть не только у тебя, — она прижала к груди сумку, представляя, что где-то там на дне валяется перочинный ножик, в её мыслях разросшийся до увесистого тесака, что казалось даже — сумка потяжелела. — Но кровь не прольётся, слышишь?! И ты не знаешь главный закон джунглей, он гласит: мы с тобой одной крови, ты и я! — не отдавая себе толком отчёта, почему именно эти слова она сейчас так яростно прокричала, она смело посмотрела ему прямо в глаза, а потом обвела взглядом всех остальных.

Если бы ей как-нибудь раньше показали такую картинку с её участием, она бы только удивлённо рассмеялась: «Ну бред же какой-то киношный». Ещё больше бы она удивилась, посмотрев на себя со стороны сейчас, той силе, которая от неё исходит, которую почувствовали эти ребята с острыми колючими взглядами.

— Ну даёшь, училка! — это было сказано уже иным, чем вначале, голосом. — Ладно, будет порядок тебе на уроках, ну и ты живи, очкарик! — отвернулся и зашагал прочь вожак, а за ним и вся стая подростков.

— А ты завтра покажешь мне свои стихи, ладно? — это она уже совсем тихо сказала растерявшемуся, потрясённому, избежавшему расправы парню.

— Но я не... Откуда вы?..

— Мы с тобой одной крови, — слабо улыбнулась она, пожимая плечами, и пробормотала: — То ли я в джунглях, то ли джунгли во мне.

Снежное прикосновение

Наконец после затянувшихся тёмных ноябрьских дней начался снегопад. Не мокрый снег с дождём, не редкие снежинки, напоминающие стряхиваемый с облаков пепел, а настоящий, медленный, густой снегопад. Белые хлопья несколько часов укрывали городскую серость, засиявшую в итоге нарядной, нетронутой белизной.

Ванда с самого утра, как только её пересадили в кресло, не отрываясь, смотрела в окно на снег. Около месяца с упрямым, настойчивым нетерпением она ждала именно снега. Увидеть снег — стало для неё навязчивой мыслью. Не только увидеть: женщине хотелось прикоснуться к снегу. Это желание сейчас навалилось настолько отчаянно, что Ванда не могла с ним бороться, кроме как сбежав в воспоминания о десятках, сотнях прожитых снежных дней. Вспоминалось наиболее яркое. Вот они, ещё дети, катаются с огромных снежных гор, ныряют чуть ли не с головой в сугробы, выгрызают слипшиеся снежные комки из варежек. А вот прогулка под вечерним снегопадом с любимым мужем, когда они, совсем ещё молодые, дурачились, опрокидывали друг друга в снег, забрасывали снежками, просто лежали на снегу, глядя, как снежное небо обрушивается на землю и на них. Вот другой снежный день, когда уже со своими

маленькими детьми они всей семьёй катаются с горки, шумные, раскрасневшиеся, весёлые, а после лепят огромного снеговика.

Воспоминания не очень помогали отделаться от желания прикоснуться к снегу, хотя Ванда понимала, что это невозможно. Со случившимся весной полным параличом и невозможностью что-либо чувствовать она примирилась относительно спокойно: ничего не поделаешь, раз вот так ей выпало доживать свою долгую жизнь. Жалела только, что и мозг не парализовало вместе с телом.

Но падающий долгожданный снег лишил её покоя, будто, именно потрогав снег, можно было наконец умирать спокойно. Буйствовавшая летняя зелень, яркие цветы и запахи, красно-жёлтые осенние листья — всё это и многое другое оставляло Ванду равнодушным наблюдателем происходящего, непреодолимо манил лишь снег.

— Сейчас время проветривания. Давайте я отвезу вас в коридор? — новая молоденькая медсестра обратилась к замершей у окна Ванде.

— Не надо, — тихо отозвалась та. — Укройте шалью и подвиньте ближе к окну, пожалуйста.

Оставшись одна у открытого окна, Ванда продолжала, словно загипнотизированная, смотреть на падающий снег. «Вот он, совсем близко, а недосягаем. Даже если сестру уговорить вывезти на улицу, всё равно ведь ничего не почувствую». Собственное бессилие заставило Ванду совершить неожиданное — резкую попытку рвануться вперёд, но, несоизмеримо с затраченными чудовищными усилиями сдвинуться с места, она осталась неподвижной. Внутренне заставляя себя собраться и повторить попытку, женщина понимала её бесполезность. Однако отчаянно снова рванулась из кресла. Немыслимым образом тело её послушалось и двинулось вперёд, но ровно настолько, чтоб тряпичной куклой повиснуть на подоконнике. Теперь голова Ванды была на улице. Не обращая больше внимания на невозможность происходящего, она кое-как повернула лицо к снегу, на большее сил у неё не хватило. Так она и осталась в окне — глядя на падающий в лицо снег, ощущая лёгкое покалывание снежинок и почти незаметно улыбаясь.

«Океан»

В сумеречной комнате запах стоявшей в углу ели смешался с долетающими ароматами праздничных угощений, готовящихся на кухне под оживлённую беседу собравшейся вместе в родительском доме семьи. Стайка детишек разного возраста, поразглядывая некоторое время украшенную ёлку, переместилась в угол комнаты, где всё их внимание приковал стоящий на комоду старый дедушкин радиоприёмник «Океан».

— О-ке-ан, — прочитал вслух самый старший.

— Почему? Что такое океан? — пропищала младшая девочка лет четырёх.

— Потому что там волны из звуков, как на море. Знаешь море? Только океан намного больше моря, — разумно пояснил ей и двум другим детям мальчик своё открытие.

Несколько раз рука старшего тянулась к заветному переключателю с зашифрованными словами «ДВ», «КВ», «УКВ» и к переключателю, двигавшему указатель по шкале, где были выписаны названия далёких и загадочных городов: Хельсинки, Будапешт, Лейпциг и прочие.

— Давайте на минутку, аккуратно, только чтоб никто дедушке не проболтался? — строго оглядел младших, дожидаясь от каждого согласия, старший.

Из старого приёмника раздался треск, а вслед за тем иностранная речь. Дети, конечно, ничего не понимали, но замерли и вслушивались в незнакомые звуки из далёких стран. Одному из них захотелось попробовать переключить приёмник на другую волну. Только он начал поворачивать ручку, как что-то щёлкнуло и стало оглушительно тихо. После затянувшейся тишины старший, глядя на хмурые, грустные лица остальных, сказал полушёпотом: — Сломали. Надо идти признаваться дедушке.

— Что без спору приёмник крутили — плохо, но что решили сознаться — молодцы, — дети обернулись на голос дедушки, который, оказывается, уже некоторое время находился в комнате и наблюдал за ничем вокруг не замечающими, поглощёнными приёмником внуками.

Подойдя ближе и внимательно оглядев поломку, дедушка удовлетворённо улыбнулся:

— Не беда, дело поправимое. Кто со мной за инструментами?

Через некоторое время дети с любопытством наблюдали, как ловко дед разобрал приёмник

и принялся за ремонт. В комнате ко всем прочим добавился запах канифоли, который понравился детям, зачарованно лоящим каждое действие дедушки.

— А научишь паять? — восхищённо попросил внук.

— И меня, и меня, — присоединились голоса других к просьбе.

— Научу, — улыбнулся дед. — И с «Океаном» обращаться тоже научу.

Закончив работу, дедушка торжественно вернул радиоприёмник на место.

— Послушаем? — подмигнул внукам.

Радостный гул детских голосов был ему ответом. — Вот здесь переключаются волны — короткие, длинные, а здесь можно искать разные радиостанции, — пояснял дед, ловко щёлкая переключателями.

После перебивающих друг друга, говорящих на разных языках дикторов из приёмника послышалась песня. Дед перестал переключать, зажмурился и стал слушать. Ощущая важность момента, внуки тоже притихли, чтоб не мешать дедушке. Когда песня закончилась, дед, заговорщицки понизив голос, сказал:

— Сейчас расскажу вам секрет. Этот приёмник на самом деле не простой. В нём есть совершенно особая волна, которую не всегда поймаешь, где можно услышать совершенно удивительные вещи. Например, иногда на этой волне ваша бабушка, которой, к сожалению, больше с нами нет, передаёт мне привет. Вот сейчас — эта песня была точно от неё. Когда-нибудь вы тоже непременно научитесь ловить эту волну.

Дети молча слушали.

Они верили.